

[Polaris]

Пьер Лоти

ОСТРОВ
РАПА-НУИ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XXVI

Salamandra P.V.V.

Пьер Лоти

ОСТРОВ РАПА-НУИ

Рисунки автора

Salamandra P.V.V.

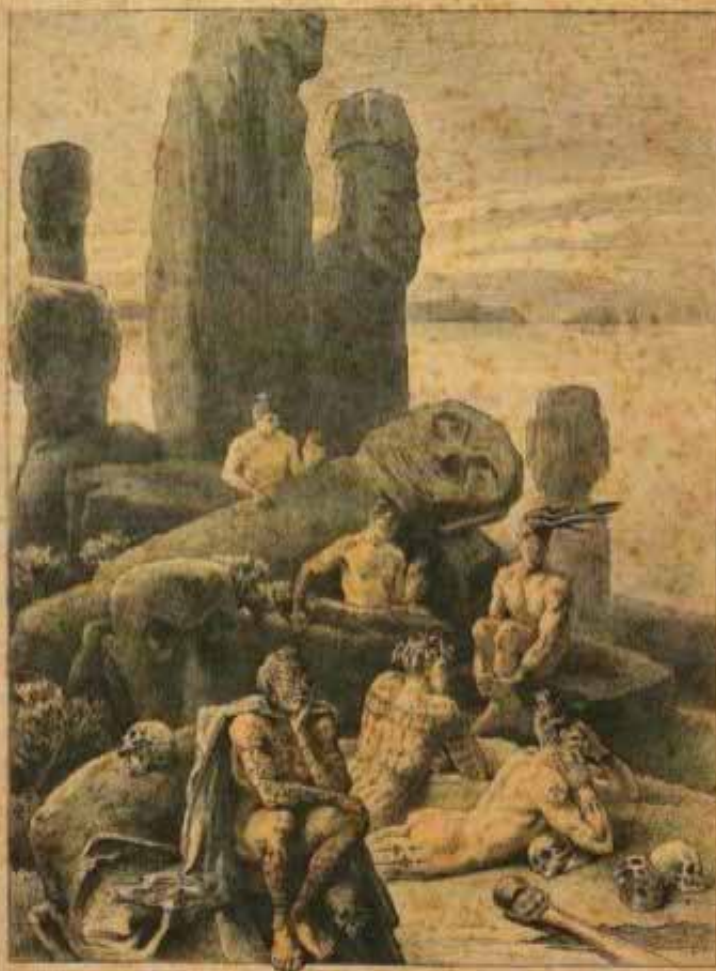
Лоти П.

Остров Рапа-Нуи. Рис. автора. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 70 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XXVI).

В январе 1872 года французский фрегат «Флора» бросил якорь у острова Пасхи. На борту был 22-летний гардемарин Жюль Вио – будущий знаменитый романист, путешественник и искатель приключений Пьер Лоти.

В своем дневнике тех дней Лоти подробно записывал впечатления от загадочного острова, который он увидел через 10 лет после разорения, учиненного перуанскими работоторговцами.

Книга иллюстрирована рисунками, сделанными автором на острове Пасхи.

de Madame Sarah Bonheur

Pierre
(K. 1013)

L'Égypte, l'Égypte, l'Égypte, l'Égypte, l'Égypte
(l'Égypte, l'Égypte, l'Égypte, l'Égypte, l'Égypte)

ОСТРОВ РАПА-НУИ

Среди Великого океана, в той его части, где никто никогда не проезжает, лежит таинственный и уединенный остров; по соседству с ним нет никакой земли и на восьмьсот лье кругом — безграничное, пустынное и зыбкое пространство. На нем высится много больших чудовищных статуй — работа неизвестного племени, теперь или выродившегося, или бесследно исчезнувшего; прошлое его осталось загадкой. В годы своей первой молодости, в один из бурных и пасмурных дней я причалил к нему на парусном фретате; он произвел на меня впечатление страны наполовину фантастической — страны грез.

В своем гардемаринском дневнике я помечал тогда день за днем свои впечатления, нужно сознаться, весьма несвязно и наивно.

Этот-то детский дневник я и привожу теперь, стараясь придать ему недостающую точность.

Дневник гардемарина «Флоры»

I.

3 января 1872 г.

В девять часов утра зоркий глаз замечает землю: на северо-западе неясно вырисовывается силуэт острова Рапа-Нуи. Однако, расстояние до него еще настолько велико, что, несмотря на скорость, которую нам сообщает пассат, мы будем на нем только к вечеру.

Уже несколько дней прошло с тех пор, как мы оставили обычные маршруты, по которым следуют корабли чрез Тихий океан, чтобы заехать сюда, так как Рапа-Нуи лежит вне всякого пути. Его открыли случайно, и редкие мореплаватели, которые время от времени посещали его, в своих рассказах о нем противоречили друг другу. Население, происхождение которого покрыто непроницаемой тайной, по неизвестным причинам мало-помалу вымирает и теперь там остается, как нам говорили, только несколько дюжин дикарей, голодных и робких, питающихся только кореньями; вскоре среди уединенного моря настанет полное уединение и здесь, так что единственными стражами на острове окажутся гигантские статуи. На этом острове нет ничего; на нем нельзя сделать даже запаса пресной воды; к тому же, буруны и подводные рифы часто не позволяют подойти к его берегу. Мы, однако, отправились, во-первых, с целью осмотреть его, а во-вторых, взять с него одну из древних каменных статуй, которую наш адмирал хотел увезти во Францию.

Медленно приближается и вырисовывается чудный остров; под небом, омраченным тучами, мы видим

красноватые кратеры и угрюмые скалы. Дует сильный ветер, и море покрывается белой пеной.

Западный берег о-ва Пасхи

Рапа-Нуи — прозвище, данное туземцами этому острову, и мне чудится в самом созвучии слов какая-то печаль, дикость и мрак. О мраке ли времен, мраке ли происхождения или мраке небес, — неизвестно, о каком мраке тут идет речь; верно только то, что черные тучи, в которые облеклась страна при встрече нас, вполне отвечают моему воображению.

Наконец, в четыре часа пополудни, под защитой острова, в бухте, где некогда останавливался Кук, наш фрегат опустил паруса и бросил якорь. Тогда от пустынного острова отделились пироги и под яростным

ветром направились к нам. Вот даже род вельбота; на нем с Рапа-Нуи подъезжает к нам похожий на европейца господин в шляпе и пальто; я теряюсь в соображениях и разочаровываюсь.

Посетитель поднимается на борт; это — пожилой датчанин, личность совсем неожиданная.

Три года тому назад, — рассказывал он нам, — одна из шхун, которые возят в Америку перламутр и жемчуга, сделала крюк в двести лье, чтобы здесь высадить его. С того времени этот старый авантюрист живет среди туземцев, будучи так же отдален от нашего мира, как если бы его резиденцией была луна. Одним американским плантатором было поручено ему акклиматизировать на острове ямс и нежные пататы, с расчетом на будущее время развести плантации их в безграничном количестве, но план не удался; здесь ничто не растет, а дикари отказываются работать. По его словам, их осталось всего триста-четыре человека; сгруппировались они, по большей части, вокруг этой бухты, в которой мы остановились на якоре, тогда как остальное пространство острова или превратилось в пустыню, или близко к тому. Сам датчанин живет в найденном им здесь каменном доме, в котором он переделал только крышу; когда-то это был дом миссионера-француза, так как в продолжение нескольких лет на Рапа-Нуи были миссионеры, но они или поразились, или перемерли, снова предоставив население покровительству его кумиров и идолов.

Во время нашего разговора я услышал позади себя легкие прыжки и обернулся в ту сторону; смотрю: один из гребцов датчанина, молодой дикарь, осмелился уже добраться до борта. О! какое поразительно тощее лицо с маленьким, клювообразным носом и слишком близко отстоящими один от другого, очень большими блуждающими и печальными глазами! Он весь голый,

очень стройный и мускулистый; его медно-красная кожа покрыта тонкой синей татуировкой, а волосы — тоже красные, окрашены краской и связаны на самой маковке головы, в виде хохла, стебельками скабиозы. Он блуждает по нам своими слишком широко раскрытыми глазами. Во всей его фигуре — прелесть чертенка или домового.

— А что статуи?— спросили мы у датчанина, старого Робинзона.

— Ах, статуи! Их есть два сорта. Во-первых, береговые; все эти повалены и разбиты; они здесь, поблизости, в окрестностях этой бухты. Во-вторых, страшные статуи различных времен и типов, которые еще стоят до сих пор там, на том склоне острова — в глубоком уединении, куда никто больше уже не заглядывает.

Дикарь с красным хохлом постепенно привыкает к нам. Чтобы нам понравиться, он начинает петь, танцевать. Он — один из тех, которых некогда миссионеры окрестили, и называется Петеро (Петр). Ветер, к сумеркам постепенно возрастающий, далеко разносит его меланхолическую песню и треплет его волосы.

Другие дикари, однако, настолько робки, что не хотят приблизиться к нам. Тем временем их пироги окружают нас: волны сильно качают их и обдают пеной и брызгами. Показывая свои голые члены, они знаками просят у матросов одежды, в обмен за которую предлагают свои весла, копыя, деревянных и каменных идолов. К нам стеклось все население, наивно возбужденное нашим присутствием. В бухте море начинает сильно волноваться. Между тем, наступает ночь.

II

4 января

Теперь пять часов утра; день настает медленно, под густой завесой серых туч. Я с двумя товарищами-гардемарины, жаждущими, подобно мне, ступить ногой на чудесный остров, плывем на доверенном нам вельботе к еще темному берегу. Адмирал, потешаясь над нашей торопливостью, дал каждому из нас особое поручение: найти фарватер и удобное место для высадки, отыскать большую статую и настрелять ему кроликов к завтраку.

Холодно и темно. Дует сильный встречный ветер; пассат неистово бросает нам в лицо крупные брызги соленой пены. К нашему прибытию остров принял еще более фантастическую внешность; на темном фоне неба скалы и кратеры выглядят как бы желто-медными: притом, нигде ни единого деревца; получается впечатление унылой пустыни.

Среди бурунов, которые сегодня утром подняли сильный и зловещий рев, мы скоро и почти без труда отыскали фарватер; быстро миновав пояс рифов, мы очутились в спокойных и менее обдуваемых ветром водах. Тут мы заметили нашего вчерашнего знакомца Петеро; он сидел, взобравшись на скалу, и отчаянно звал нас к себе. Его крики всполошили все население, и в одну минуту весь берег покрылся дикарями. Они вылезали отовсюду: из расщелин скал, где спали, из хижин, настолько низких, что, казалось, они не в состоянии укрыть в себе человеческое существо. Издали мы сначала не заметили этих соломенных хижин; ока-

залось, что их там много; они совсем приплюснуты к земле и одного цвета с ней.

Едва мы причалили к тому месту, которое нам указывал Петеро, как нас окружили дикари, толкаясь перед нами в утренней полутьме и предлагая нам копья с кремневыми остриями, весла и старых идолов; между тем, холод и бурный ветер все усиливались; низкие тучи, казалось, ползли по самой земле.

Следуя приказу командира, доставивший нас сюда вельбота возвратился опять к фрегату. Два мои товарища с ружьями отправились искать кроликов к тому участку, который накануне указал нам датчанин, я же остался один; мои новые хозяева окружают меня все теснее и теснее, кругом меня — груди и тела, посилавшие от татуировки, длинные волосы, странные улыбки, белые зубы и печальные глаза, — глаза, яблоко которых стало еще белее от обрамляющего его темно-синего рисунка. Я дрожу от холода в своей легкой одежде, отсыревшей от морских брызг, и нахожу, что под этим пасмурным небом день наступает очень медленно. Кружок дикарей тесно сомкнулся; одни из них подают мне свое копье или идола, другие вполголоса напевают что-то вроде жалобной заунывной мелодии, аккомпанируя себе покачиванием головы и спины, точь-в-точь, как это делают большие медведи, стоя на задних лапах... Я понял, что они безопасны, что они только с первого взгляда кажутся страшными, в действительности же детски кротки; они не внушают мне никакого страха; они безразличны для меня; но при мысли, что я первый раз в жизни попал на остров Великого океана, при сознании, что я никогда до сих пор не испытывал на себе таких взглядов, как теперь, да еще на пустынном берегу и в темное время, при мысли об этом меня охватывает инстинктивный ужас, и пробегает по телу неприятная дрожь...

Ритм песни ускоряется, движение голов и спин—тоже, голоса становятся хриплыми и низкими; к свисту ветра и реву моря присоединяются еще сильные дикие вопли и бешеные танцы. Вдруг все разом обрывается и замолкает. Круг размыкается и танцоры расходятся. Чего все они хотели от меня? Что это? Ребячество ли с их стороны, заклинания ли, желания ли благополучия при встрече, кто знает?

III

Старик, весь татуированный, с украшениями из черных перьев на голове, без сомнения, какой-нибудь начальник, берет меня за руку, Петеро за другую, — и оба бегом увлекают меня за собой, а толпа следует за нами.

Татуировки вождя на о-ве Пасхи

Мы останавливаемся перед одним из соломенных жилищ, которые, точно спины лежащих животных, виднеются повсюду, между скалами и песком. Женя приглашают войти, что я должен сделать на четвереньках, прокрадываясь, подобно кошке, которая перелезает какую-нибудь лазейку, так как дверь, вровень с землей, охраняется двумя гранитными божествами, величиной около двух футов, и похожа на круглую ды-

ру. Внутренности не видно из-за толпы, которая здесь остановилась и бросает вокруг себя тень; стоять прямо — внутри невозможно, а спустя несколько минут, в этой берлоге образуется такой спертый воздух, что дышать становится решительно нечем.

Вход в жилище вождя

Меня приглашают сесть на циновку, рядом с женой вождя и его дочерью; предложить мне что-нибудь в подарок они не могут и передают это известие мимикой; я понимаю, что они в этом извиняются. Теперь мои глаза немного попривыкли к темноте, и я вижу, что вокруг нас копошатся кролики и кошки.

В это утро мне предстоит сделать еще несколько подобных же визитов, чтобы удовлетворить почетных жителей острова, и я проникаю ползком вглубь множества темных жилищ: толпа ходит вслед за мной, теснит меня своей грудью, бедрами, нагими и татуи-

рованными; мало-помалу, я пропитываюсь запахом зверя и дикаря.

Мои новые знакомцы с удовольствием променяли бы своих идолов, палицы, копья на одежды и предметы, привлекающие их внимание. Деньги, конечно, им вовсе не нужны: они, пожалуй,годились бы им в качестве украшения к ожерельям; но стеклянные буквы дикарям особенно нравятся.

Между тем наступил день, тучи рассеялись, а вместе с тем изменилось и зрелище; остров, сильнее освещенный, более реальный, стал менее зловецим, и я начинаю к нему привыкать.

Намереваясь произвести торговлю, я вытаскиваю все, что было в моих карманах: носовой платок, спички, памятную книжку и карандаш; решаюсь освободиться даже от своей гардемаринской тужурки, чтобы получить взамен ее своеобразную палицу, украшенную чем-то вроде головы Януса, с двойным человеческим лицом, и продолжаю прогулку уже в одной рубашке. Я попал прямо-таки в толпу детски наивного народа: старые и молодые не устают смотреть на меня, слушать меня, следовать за мной, несут передо мной мои различные приобретения: идолов, оружие, не переставая в то же время напевать свою заунывную мелодию. Подумаешь, какое впечатление произвело наше прибытие на обитателей этого уединенного острова! Иначе, впрочем, и быть не могло, когда в продолжение 10 лет на всей безграничной громаде соседних вод здесь не видали ни одного паруса.

В следующем за мной на приличном расстоянии кортеже я приобрел уже несколько друзей, числом пятерых: во-первых, Петеро; затем, двух молодых юношей, Атаму и Хуга, и двух молодых девушек, Марию и Иуаритаи. Девушки голые и только в некоторых местах прикрыты небольшим поясом; тело их было бы

почти белое, без загара от солнца и моря, если бы не легкий медно-красный оттенок, составляющий отличительный признак этой расы. Длинная синяя татуировка причудливого и тонкого рисунка тянется по ногам и бедрам; она сделана, без сомнения, в расчетах придать еще более красоты стройному телу. Мария, — окрещенная миссионером еще ребенком — как странно слышать это имя на острове Рапа-Нуи! — по росту, свежести и зубам напоминает молодую богиню; а Иуаритаи со своим тонким, изящным носиком и большими робкими глазами — настоящая красавица. Волосы ее, окрашенные в красный цвет, причесаны старинным манером и убраны зеленой травой...

Боже мой, как бежит время! Уже десять с половиной часов; время возвращаться на борт к завтраку; вот я вижу вельбот: он переезжает пояс рифов и направляется к нам. Оба мои товарища возвратились с охоты в сопровождении свиты; слышно пение. Они убили несколько белых чаек, которых и раздали женщинам; кролика же — ни одного. Какие мы все трое плохие комиссионеры! А большие статуи, которые мне было поручено найти? Я о них и забыл!..

Иуаритаи

IV

На борту нас встретили очень хорошо, а офицеры заинтересовались всеми привезенными мною вещами.

Я не сижу на месте и после полудня возвращаюсь на сушу к своим диким друзьям.

Ветер не прекращается; вероятно, он коротко знаком этому острову, так как последний лежит в той стране, где южный пассат дует со всей силой. На небе остались одни обрывки бурного утреннего покрова, и показалось солнце в синеватой глубине, — палящее солнце, так как мы ведь недалеко от тропика. Когда я подъехал к берегу, то заметил, что на острове — сонное царство, час полуденного отдыха, и мои пятеро друзей, сидя на камнях, из вежливости ожидали меня с очень сонными глазами. Я сам бы с удовольствием уснул на несколько минут; но как отыскать хоть небольшую тень для головы в такой стране, где нет ни одного деревца, ни одного зеленого кустика? После небольшого колебания я обращаюсь к начальнику с просьбой приютить меня на минуту и, став на четвереньки, прокрадываюсь в его жилище. В нем очень душно; лежат в растяжку тела. Под этой кровлей, видом и вместимостью похожей на опрокинутую лодку, живет начальник со своим семейством: женою, двумя сыновьями, дочерью, зятем и внуком; затем, здесь же обитают: кролики, куры, семь гадких кошек с удлиненными рыльцами и высокими ногами и масса котят. Меня укладывают спать на камышовом ковре; из уважения, хозяева один за другим удаляются и ложатся в другом месте; я остаюсь под надзором Атаму, который омахивает меня мухогонкой из черных перьев, и засыпаю.

Полчаса спустя, придя в себя, замечаю, что я в комнате совершенно один среди безмолвной тишины, изредка только нарушаемой дальним шумом морских волн, разбивающихся о коралловые рифы, да, по временам, короткими порывами пассата, пробегающими по камышовой крыше. По пробуждении в этом бедном логовище дикаря, мне пришла в голову мысль о том большом расстоянии, которое отделяет меня от родины. Я чувствую себя далеко, далеко, как никогда, чувствую себя погибшим. Меня охватывает особая тоска, именно, «давление островов», и никакое другое место в мире не может произвести его в такой сильной степени, как это; неожиданно тревожит меня также и окружающая беспредельность южного океана. Через дыру, служащую дверью, проникает луч солнца, блестящий, отчетливо видимый из того темного угла, в котором я лежу; на земле, перед хижинкой, он обрисовывает тень идола, сторожащего вход, и нелепые тени двух дремлющих кошек с весьма длинными ушами. Даже этот луч света и его угрюмый блеск, как мне кажется, содержат в себе что-то странное, необыкновенно далекое, бесконечно давнее. С пробуждением от сна при этом освещении, среди этого безмолвия, при свисте тропического ветра меня охватывает невыразимая печаль, — печаль, быть может, первобытного человечества, которое обитало на земле, теперь мною попираемой, и которую жгло в этот час то же самое вечное солнце. Ибо стоит только прийти в себя, как все это быстро, подобно детскому капризу, ускользает, исчезает. Но шевелясь, я лежу и рассматриваю подробности хижины, а в это время мыши, не обращая ни малейшего внимания на двух сторожевых кошек, спокойно разгуливают около меня.

Камышовая кровля, под защитой которой я теперь нахожусь, поддерживается пальмовыми стрелками;

но откуда они их взяли? — ведь на острове нет ни одного дерева, никакой другой растительности, кроме травы? — В этой лачуге, в полтора метра высоты и четыре длины, заботливо устроено много предметов; маленькие идолы из черного дерева, обвитые грубым плетеньем, копы с наконечниками из блестящего кремня, весла с человеческими фигурами, головные уборы с перьями — танцевальные или военные принадлежности, и много других вещей загадочного вида и неизвестного мне назначения, — все это крайне поражает зрителя своей стариной. Когда наши предки, первобытные люди, решились выйти из своих пещер, то, должно быть, строили себе хижины подобного же типа и украшали их подобными же вещами; здесь чувствуешь себя среди первобытного человечества, отдаленного от нас на 20-30 тысяч лет.

Но когда станешь глубже размышлять обо всем окружающем, то возникают вопросы за вопросами. Откуда, напр., могло взяться дерево, из которого сделаны их палицы и их боги? К какому времени оно может относиться и как сюда попало? А их кошки, а их кролики? — Я думаю, что их привезли сюда некогда миссионеры. Но мыши, прогуливающиеся повсюду? их, без сомнения, никто сюда не привозил. Если так, то откуда же они взялись? Малейший пустяк на этом пустынном острове вызывает недоумение; дивишься тому, что здесь еще может быть фауна и флора.

Что касается до жителей острова Рапа-Нуи, то они пришли сюда с запада, с Полинезийского архипелага, и в этом нет ничего непонятного. Прежде всего они сами об этом говорят. По сказанию их стариков, несколько веков тому назад они ушли с одного океанского острова, лежащего более к западу, — с острова Рапа, который в действительности существует, и который и по настоящее время так называется. В память этой-то своей далекой родины они и прозвали свое новое владение — «Рапа-Нуи» (т. е. Большая Рапа).

Сравнение татуировок обитателей Рапа-Нуи и Таити

Допустим такое происхождение; однако, их выход отсюда и путешествие остаются тайной. В действительности, южная часть Великого океана, между Америкой и Океанией, сама по себе значительно шире Ат-

лантического океана, она представляет более обширную равнину вод, более страшное пустынное пространство вод, чем последний, и в центре ее лежит Рапа-Нуи, одинокий, жалкий, заброшенный, точно булыжник, в средину моря. Кроме того, ветры дуют здесь не так, как у нас, с различных сторон горизонта, а только по одному постоянному направлению, и для кораблей, идущих из Полинезии, они могут быть только вечно противными. Таким образом являются вопросы, как и почему, в течение скольких месяцев упорного лавирования, с каким провиантом, под руководством какого необъяснимого предвидения, удалось моим знакомцам — таинственным мореплавателям достигнуть на простых пирогах этого песчаного зерна, затерянного в таком беспредельном водном пространстве?*

К тому же, с момента своего прибытия сюда они потеряли всякое средство сообщения с ближайшим материком.

Несомненно одно, что эти люди, эти маори, прибыли сюда из Полинезии. Сделавшись немного белее своих предков, вследствие туманной атмосферы, они унаследовали, однако, от них высокий рост, красивое, очень характерное лицо с несколько удлинненным овалом и большие, близко стоящие друг от друга глаза. Они сохранили и многие привычки своих далеких соплеменников и, главным образом, — язык.

Для меня одна из неожиданных прелестей этого острова — язык маори, так как я, ввиду скорого посещения нами «прелестного Таити», о котором я мечтал еще с детства, начал изучать его по миссионерским книгам. Здесь первый раз в своей жизни я могу употребить несколько слов, которые так ново и мелодично-варварски звучат в моих ушах.

* По преданиям маори и по генеалогии их предков, время переселения их на остров Рапа-Нуи не восходит далее 1,000 лет.

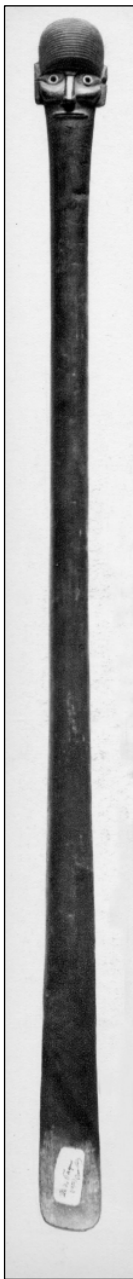
*Из колекции
Пьера Лоти*

Женская фигурка. Привезена П. Лоти с о-ва Пасхи; на распродаже имущества Лоти в 1929 г. была приобретена поэтом-сюрреалистом Андре Бретоном.

Старинное женское нагрудное украшение в форме лодки (реими́ро). Длина 40 см. Лоти ошибочно принял его за бумеранг и написал на этикетке: «В 1872 г. я нашел этот бумеранг, который несомненно происходит из Австралии, на острове Пасхи, находящемся, как известно, на полпути между Южной Америкой и Океанией, в 800 лигах от ближайшей земли и в 3,000 лиг от Австралии и не имеющем деревьев, а значит, и древесины. Даже беглого взгляда на это оружие достаточно, чтобы убедиться в его чрезвычайной древности. Присутствие данного бумеранга на острове Пасхи проливает весьма любопытный свет на древние миграции народов Тихого океана. Пьер Лоти».

Старинный посох-палица (ya) вождей о-ва Пасхи, который Лоти выменял у островитян на свою тужурку гардемарина. Размер 166 x 10 см.

*Деревянная фигурка птичеловека (тангата ману).
Высота 25 см.*

Резная фигурка мужчины (моаи тангата). Высота 29 см. Моаи тангата изображали, по всей видимости, предков или сверхъестественных существ.

VI

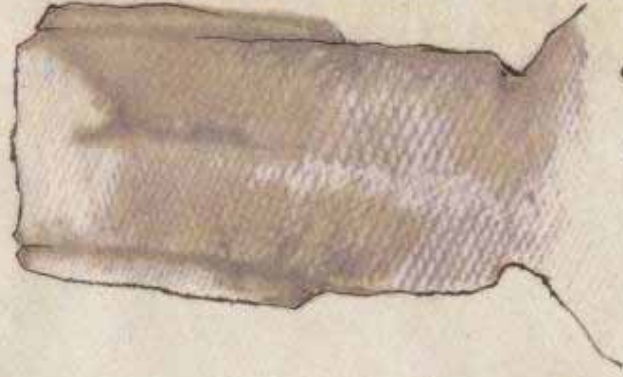
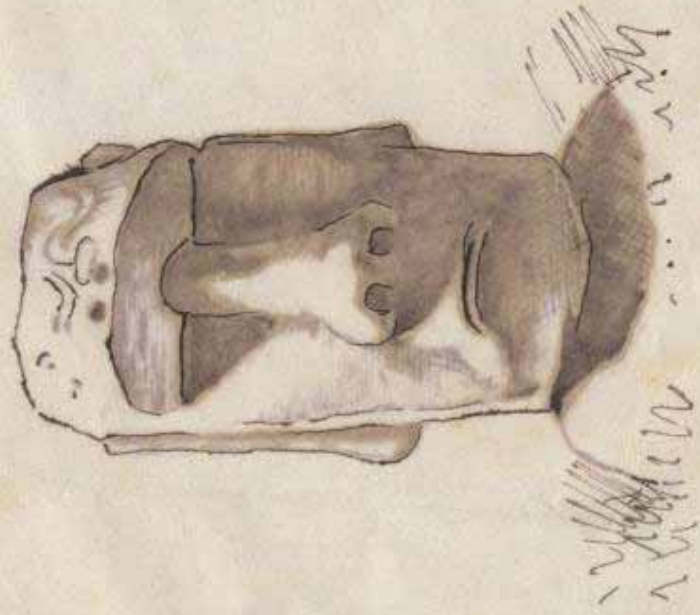
Сегодня вечером я не забыл о больших статуях, как сделал это утром. Окончив свой полуденный отдых, я спросил о них у первого попавшегося мне навстречу Агаму и притом на его языке.

— Проводи меня, пожалуйста, к месту погребения! — сказал я. — К моему удивлению, он понял меня. Я сказал: «место погребения» (по-таитски: марае, а позднее марай), потому что каменные колоссы, представляющие из себя цель нашего путешествия, украшают именно те места — возвышения в виде курганов, где погребали важных начальников, павших в битвах. Равным образом, название «марай» туземцы дают тысячам изображений кумиров и идолов, наполняющих их камышовые жилища, мысленно связывая с ними воспоминания об умерших. Итак, Агаму и я отправляемся вдвоем, без обычной свиты, к наиболее близкому «марай», это — мое первое путешествие по неизвестному острову. Следуя по берегу, на небольшом расстоянии от моря, мы пересекаем долину, покрытую жесткой травой особого вида, печального, как бы поблекшего цвета. На своем пути встречаем развалины маленького жилища, похожего на то, в котором обитает датчанин. Агаму мне объясняет, что это был дом «рара farani» (отца французского миссионера) и, удерживая меня здесь, рассказывает по этому поводу целую историю; судя по его выразительной мимике, она должна быть очень трогательна, но я не совсем хорошо уразумеваю ее; из его жестикуляции я понял только то, что здесь была засада, оказались люди, спрятавшиеся в камнях, слышались ружейные выстрелы, удары копий... Что сделали с этим бедным священником? Да! трудно и представить себе, до какой

степени зверства может дойти в минуту пробуждения какой-нибудь страсти первобытного человека или под влиянием какого-нибудь мрачного суеверия — обычно кроткий и ленивый дикарь! Вдобавок, нельзя забывать и того, что даже в наиболее искренней, приветливой и наружно тихой полинезийской натуре дремлет инстинкт людоеда, так что в Океании, на островах Рутума и Гиваоа, привлекательный по виду маори, при случае, всегда может съесть вас.

Окончив свой рассказ, уверенный в том, что я все понял, Атаму берет меня за руку, и мы идем далее. Перед нами высится курган из темного камня, вроде гэльского кромлеха, с тою только разницей, что он сложен из больших глыб. Одной своей стороной он смотрит в море, где все покойно, другой — в пустынную и печальную долину, вдали окруженную потухшими вулканами. Атаму уверяет, что это — «мараи», и мы оба влезаем по камням наверх.

Своим устройством холм походит на циклопическую эстраду, наполовину скрытую обвалившимися и истершимися громадными колоннами. Я спрашиваю о статуях, которых нигде не вижу; Атаму сосредоточенным жестом предлагает мне внимательнее смотреть под ноги... Оказывается, я стою на подбородке одной из них, а она, перевернувшись на спину, пристально глядит на меня двумя дырами вместо глаз. Я никогда не воображал ее себе такой громадной и безобразной, а потому и не заметил ее. Здесь их лежало штук десять, в большом беспорядке и наполовину разбитых, некоторые из них упали, несомненно, от действия соседних вулканов, и грохот от их падения был, конечно, ужасен. Лицо статуи изваяно детски-неумело; формы рук и кистей едва обозначены, туловище — совершенно круглое и походит на толстый столб. Но когда эти

La même statue, vue de face et de dos

статуи, колоссальные и прямые, стояли во весь рост в виду океана, беспредельного и неживляемого судами, то могли своим видом внушать религиозный ужас. Атаму утверждает, что есть еще другие статуи в отдаленных пунктах острова и даже в большем количестве, чем здесь, — целое племя, гигантское и мертвое, покоящееся вдоль плоских песчаных бело-коралловых берегов.

У подножия «мараи» находится небольшая, круглая площадка, окруженная скалами; мы спускаемся на нее; искрошенные морем кораллы всяких пород покрыли ее белоснежным песком, усеянным хрупкими дорожками раковинами и тонкими жилами розового коралла.

Пассат, по-вчерашнему, к вечеру все усиливается и снова несет из уединенного Южного океана целые полчища черных туч, — настолько черных, что горы и старые остывшие вулканы выделяются светлыми точками на внезапно потемневшем небе. Атаму, предугадывая наступление дождя, торопит идти в обратный путь.

На половине дороги, действительно, нас настигает сильнейший проливной дождь, а бурный ветер так и стелет траву на всем протяжении долины; мы скрываемся под защиту двух скал, свешивающихся в виде свода, — среди целой стаи красных стрекоз... Откуда они появились? А кто привез сюда за восемьсот океанских лье зародыши этих бабочек, белых и желтых, которые теперь бегают по бледному ковру зелени?..

Однако, тучи, оросив на своем пути таинственный остров, быстро мчатся мрачной толпой вперед и продолжают свое дело уже над морской пустыней. Когда же мы подошли к бухте, где стоял наш фрегат, то вечернее солнце опять засияло и опять оживило эту местность.

Окрестности бухты с разбросанными по ним тростниковыми жилищами имеют в данную минуту необычайно оживленный и радостный вид, потому что все офицеры после полудня сошли с фрегата и отправились сюда на прогулку, а так как час обратного их возвращения приближался, то они сидели теперь на земле и ожидали шлюпок, окруженные каждый толпой туземцев, этих взрослых первобытных детей, которые сегодня были ласковы со своими гостями, и, чтобы сделать им удовольствие, пели свои песни. Я, в свою очередь, занял место среди них, а вскоре протискались поближе ко мне и мои ближайшие друзья: Петеро, Хуга, Мария и красавица Иуаритаи. Наше кратковременное пребывание здесь успело уже — увы! — внести в эту страну полного опустошения много смешного и маскарадного. Почти все мы выменяли на кумиров и идолов нашу старую одежду, в которую теперь и кутались, как дети, татуированные люди. И большая часть женщин, не знаю, из приличия или из желания блеснуть своим богатством, тоже оделись, но печально: платья — без тальи, уже полинявшие; когда-то они были розданы их матерям священниками-миссионерами и до настоящего дня почивали под тростником хижины.

Маори поют, — поют все, прихлопывая в ладоши, как бы отбивая ритм танца. Женщины, точно птицы, издают нежные и чистые звуки. Мужчины поют то резкой, отрывистой, дрожащей и тонкой фистулой, то выпускают могильные, похожие на хриплый рев зверя и нагоняющие тоску звуки. Музыка их состоит из коротких и отрывистых фраз, оканчивающихся постепенно понижающимся минором; так и кажется, что они выражают удивление своей жизни, всю свою жизненную тоску, а между тем, ведь они поют от радости, — детской радости при виде нас, от умиления пе-

ред новыми маленькими безделушками, которые мы им привезли. Да, эта радость — коротка, однодневна; завтра, когда мы будем уже далеко, она надолго уступит место монотонному и безмолвному прозябанию преступника, осужденного жить на острове без дерева и без воды; эти дикие певцы — жалкое племя; даже там, в Полинезии, на своих матерях-островах оно очень быстро вымирает, оно принадлежит к вымирающему человечеству, и его странная судьба скоро решится.

В то время, как одни хлопают в ладоши и, перемешавшись с нами, так дружественно забавляют нас, — другие наблюдают за нами в задумчивой неподвижности. Эта другая часть населения, более робкая или более угрюмая, с которой нам не удалось свести знакомства, расположилась на скалах, амфитеатром высящихся над нами и смотрящих в море; мужчины, сильно татуированные, обхватив руками колени, зловеще присели на корточках; женщины сидят, точно статуи; на плечах у них накинута беловатые плащи, на головах одеты венки из тростника. Ни одного движения, никакого признака жизни, ни малейшего шума; они довольны тем, что смотрят на нас с некоторой высоты и на известном расстоянии. А когда мы садимся в шлюпки, заходящее солнце уже стоит в уровень с морем и посылает им, — сквозь внезапно навеванные, разреженные тучи последние лучи; оно освещает только их немые группы и их скалу, которая теперь ясно выделяется на темном фоне неба и угрюмых вулканов.

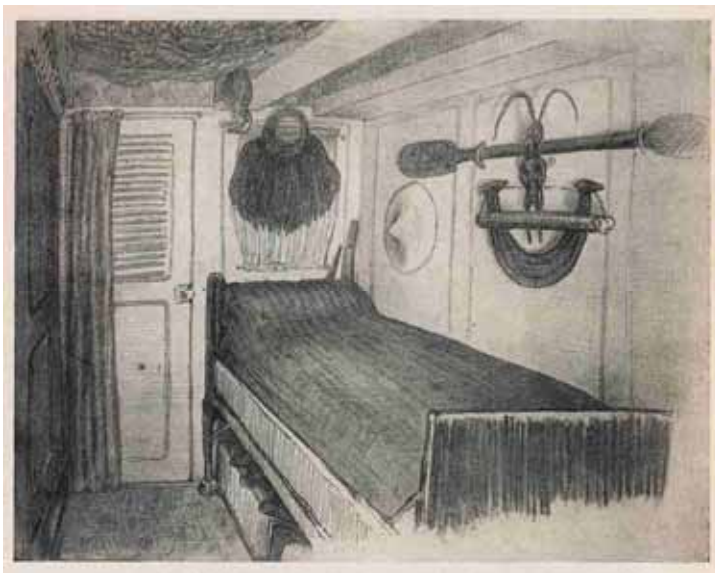
Вечером, сидя в качестве ночного дежурного на фрегате, я просматриваю имеющиеся у адмирала документы относительно острова Рапа-Нуи с момента открытия его «цивилизованными» людьми, и убеж-

даюсь, что эти «цивилизованные» люди обнаружили по отношению к дикарям — полную некультурность.

В 1850-м году шайка перуанских колонистов задумала посылать сюда корабли, с целью увоза местного населения в рабство; маори, по мере сил, защищались против ружей зачинщиков копьями и камнями; нечего и говорить о том, что они были разбиты, в большом количестве умерщвлены, а сотни гнусно захваченных из них должны были отправиться в рабство в Перу*. Однако, по истечении нескольких лет, правительство Лимы отпустило обратно оставшихся в живых и перенесших тяжелое рабство или тоску по своей родине; но изгнанники, возвратясь к себе, привезли с собой оспу, и более половины населения вскоре погибло от этого нового зла, против которого островные колдуны не знали никакого лекарства.

* Набег перуанских работорговцев в действительности начался в середине декабря 1862 г.; их стычки с жителями острова продолжались несколько месяцев (*Прим. ред.*).

Каюта Лоти на «Флоре» со стороны кровати

То же; угол стола, умывальник, коллекции

VII

5-го января

Сегодня мы, т. е., я и мой товарищ, получили командирскую шлюпку в свое распоряжение и с утра отправились на остров. Ветер держался все такой же сильный и противный нам, как и вчера, замедлял, конечно, наше движение, обдавал нас брызгами и промачивал с головы до ног. Не без труда мы добрались до берега, — тем более, что немного сбились с дороги и заблудились среди коралловых рифов; кстати, сегодня они шумят, как никогда, и покрыты белой пеной. Атаму и наши вчерашние друзья с несколькими другими незнакомыми дикарями бегут нам навстречу; от них я приобрел деревянного идола с печальным и грозным лицом, — с головой, убранный черными перьями.

Мой товарищ впервые спускается на сушу, и, по его просьбе, я веду его на древнее «мараи», откуда мы решили попытаться похитить одну статую. За нами по мокрой траве долины целыми толпами идут дикари, и, прибыв на место, начинают плясать повсюду, на могильных плитах и на упавших идолах, точно легион чертей, взъерошенных, легких, голых, медно-красных, татуированных, — плясать при свисте ветра, среди темных камней и темного горизонта; они пляшут на огромных телах, задевая ножными пальцами лбы колоссов, щеки и носы их. Их пения среди завывания ветра и моря почти не слышно. Мужчины Рапа-Нуи, так считающие своих маленьких кумиров и богов, кажется,

совершенно не уважают этих гробниц: они не вспоминают более о почивающих под ними мертвецах*.

Вслед за этим мы возвращаемся к бухте, хорошо уже знакомой, где лежать тростниковые жилища; я начинаю разгуливать между ними, как человек, к которому уже привыкли, но не так торжественно, как вчера, а окруженный только маленькой группой, своими личными друзьями. Попадающееся мне навстречу дикари довольствуются тем, что берут меня за руку или, сделав мне дружеский привет, продолжают идти далее.

«Ja oga na, taio!» (здравствуй, друг!), — говорит мне жена начальника и его дочь; они заняты вырыванием в поле нежных пататов. Начальник принял меня в пещере, смежной с его жилищем; здесь, сидя на корточках, сложив руки на коленях, посинелых от татуировки, он проводит свою жизнь; несмотря на крайне кроткий взгляд, он поражает своей страшной внешностью, своим темно-синим, полосатым лицом, длинными волосами, крупными зубами и привычкой к неподвижности в звериной позе. Мне кажется, что я его больше не интересую, и потому сокращаю свой визит.

Желая увезти с собой один из головных уборов с черными перьями, в метр шириной, какие я видел на головах некоторых незнакомых мне личностей, я открываю это свое желание Хуге, так как он лучше других островитян понимает мою речь, и мы вместе отправляемся на розыски. Он вводит меня во многие

* Предполагают, что статуи острова Рапа-Нуи были сделаны не племенем маори, но предшествующим, неизвестным и в настоящее время вымершим населением. Это, может быть, верно по отношению к большим статуям Ранорараку, о которых я буду говорить далее; статуи, некогда украшавшие «мараи», принадлежат расе маори и, вероятно, изображают духа песков и горного духа.

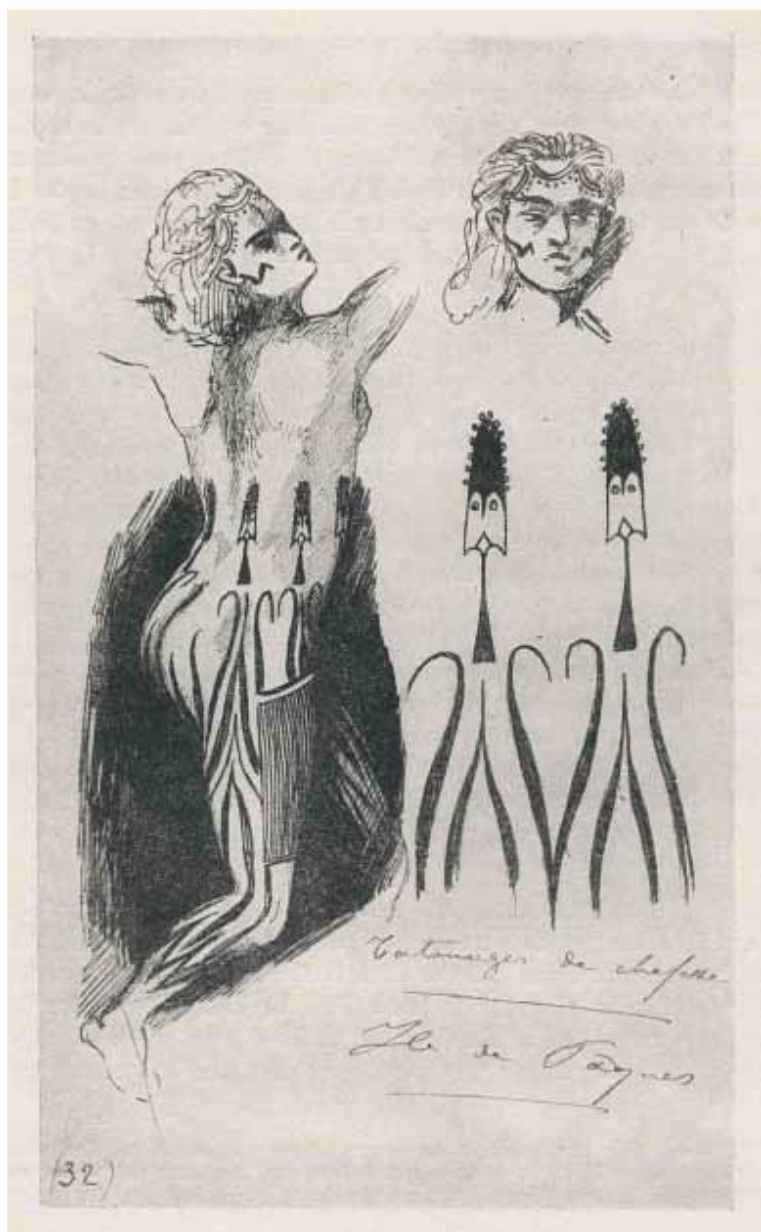
хижины; в них мы застаем людей, сидящих на корточках, неподвижных, точно мумии; сначала они, как будто, не замечают моего присутствия; одного из них мы видели за делом: он вырывал из людской челюсти зубы, чтобы вставить эмалевые глаза своему идолу. Под кровлей его дома были большие венки из перьев, но старик спрашивал за них безумную цену: мои белые холщовые панталоны и гардемаринскую тужурку с золотыми галунами, — совсем новую, так как старую я продал вчера. Это очень дорого и от покупки приходится отказаться. Хуга, видя мое разочарование, предлагает мне сегодня вечером поправить имеющийся у него старый и немного испорченный убор и уступить за него панталоны; я соглашаюсь.

Теперь нужно пойти к старому датскому Робинзону и нанести ему вчера обещанный визит.

Сердце сжимается при приближении к этому домику с подобием веранды, с подобием садика, где виднеется несколько тощих растений, семена для которых хозяин должен был привезти с собой. Какое страшное наказание для этого человека — жизнь среди почти пустынной страны, без единого деревца, даже без клочка зелени, который мог бы потешить взор. И ко всей этой безнадежной тоске, страху перед болезнями, смертью — прибавьте полнейшую невозможность сообщения с остальным миром.

— «Он с зарей уехал на охоту за кроликами», — объяснила нам с тысячей извинений и просьб все-таки пойти его тайная супруга-туземка. Молодая, но уже поблекшая, она, без сомнения, большая щеголиха на острове: сегодня утром она одета в желтую кисейную тунику и красный шерстяной плед, перекинутый через плечо наподобие плаща. Она предлагает нам свежей и чистой воды, это — редкий презент, так как на Рапа-Нуи нет ни одного источника; туземцы собирают воду

во время дождя и сохраняют ее в ямах, где она быстро портится, или разыскивают ее на дне кратеров и в быстро высыхающих лужах. Какая бедность и какая тоска в этом уединенном жилище! Подумать страшно, что этому человеку невозможно добыть себе чего-нибудь другого, лучшего по той простой причине, что кругом нигде и ничего нет. В другом месте пустыньники, затворники, если им станет скучно, могут выйти и позвать к себе на помощь кого-нибудь; но этот... леденеет душа, как подумаешь, что значат для него дождливые сумерки, ночь в дурную погоду, вечерняя зимняя пора... Мы не решаемся злоупотреблять гостеприимством доброй хозяйки, так как это могло бы неприятно кончиться и для меня, и для моего товарища, и даже для нас обоих: к часу отдыха наших гребцов (10 ч.) мы решили возвратиться на берег, где с утра уже начались приготовления к похищению статуи; адмирал полагал, что сегодня сделать это удобнее, чем когда-нибудь в другое время, а затем мы отплываем в Океанию. В полдень экспедиция за большим идолом была совсем готова. В шлюпке привезли огромные «тали», нечто вроде импровизированной телеги, — и сотню матросов, в сопровождении лейтенанта фрегата... Я, увы! — поставлен дежурным на борту и с грустью смотрю на всю эту удаляющуюся толпу. В последнюю минуту адмирал, у которого я состою старшим гардемаринном, подзывает меня к своему мостику. Он решается отложить мой дежурный день под тем условием, что я принесу ему точный эскиз теперешнего «мараи». Удивительно, как пригодилось мне во время моего путешествия умение рисовать! Благодаря ему, я получил возможность поехать вместе с другими; я с радостью прыгаю в шлюпку, донельзя нагруженную народом; матросы имеют такой радостный вид, точно едут на праздник.

Татуировки жены вождя

Тяжело нагруженная шлюпка с трудом переезжает по новому фарватеру рифов и причаливаете в бухте, значительно ближе к «мараи». Мы приехали все разом, а теперь, ввиду обратного путешествия, в нас зарождается естественная боязнь, так как к нам прибавится еще вес идола, и весьма вероятно, чтобы перевезти сотню матросов, нам придется сделать два рейса. Туземцы массой столпились на берегу и издают пронзительные крики, радуясь вашему приезду. Еще со вчерашнего дня между ними распространилась новая весть о похищении статуи, и они со всех сторон сбежались смотреть на нашу работу; пришли даже те, которые живут на другой стороне острова, в Перузе; мы видим много новых лиц.

Лейтенант, командуящий экипажем шлюпки, сохраняет полный порядок, так что сто матросов идут по направлению к «мараи» в рядах и в ногу; горн вещает о походе; никогда не слыханная здесь музыка приводит все население в неописанный восторг; порядок оказывается трудно поддерживать среди матросов, окруженных красивыми, полунагими девушками, которые вокруг них прыгают и резвятся. Сохранять же дисциплину среди «мараи» нет никакой возможности; начинается безумное смешение матросов с табуированными телами, неистовые движения и возня; все задевают друг друга, теснятся, поют, режут и пляшут. Через час от ударов ломов и рычагов все пришло в беспорядок: статуи образовали еще больший хаос, еще больше пострадали, и решить, которую из них выбрать, оказалось делом весьма затруднительным. Одна, менее тяжелая и менее пострадавшая, лежит вниз головой, носом в землю; лица ее не видно и, чтобы увидеть, нужно ее перевернуть. Она поддается действию рычагов, с криком приводимых в движение, медленно перевертывается и с глухим шумом

падает на спину. И перевертывание и падение ее дают сигнал к новому, более бешеному танцу и более громкому крику. Двадцать человек дикарей вскакивают ей на живот и скачут на нем, точно бешеные. Почивающие под своими могильными курганами древние мертвецы никогда не слышали еще подобного содома, если не считать того момента, когда статуи, потревоженные землетрясением или просто от ветхости, потеряв равновесие, падали одна за другой в траву. Статуя, которую мы собираемся увезти, должно быть, упала последней; одна громадная голова ее весит четыре-пять тонн. Прежде всего мы решаем отделить голову от шеи. К счастью, она сделана из камня вулканической породы, довольно рыхлого, и пилы действуют удачно, хотя и издают при этом крайне неприятные звуки.

Окончив в этой суматохе свой набросок для адмирала, я возвращаюсь домой; окончание работ и переправа испорченной статуи вовсе не интересуют меня. Со своими друзьями: Атаму, Петеро, Марией и Иуаритаи, я направляюсь к бухте, где раскинулись тростниковые хижины, чтобы посмотреть на починку своего венка из перьев, который Хуга обещал мне окончить сегодня вечером. Я нахожу, как и ожидал, этого славного дикаря за работой; он отрезал хвост у черного петуха, чтобы заменить им отсутствующие перья, и это придало убору действительно хороший вид. Старый вождь, когда я прохожу мимо его грота, знаками приглашает меня к себе; ласково и секретно он показывает мне темную пыль, завернутую в сухие листья, которую он называет «тату». Это — порошок для татуировки, а так как я, по-видимому, ценю искусство островитян Рапа-Нуи, то он предлагает сделать мне на ногах легкие, синие рисунки, а за свой труд просит панталоны. Другой старик тоже зазывает меня к

Монументальная (188 см) голова статуи с аху в Оронго, отпиленная в 1872 г. экипажем «Флоры» под командованием вице-адмирала Т. де Лаппелина. В 1930 г. была передана в музей Трокадеро, затем находилась в Музее человека, с начала 2000-х гг. – в Музее на набережной Бранли (Париж).

себе и просит, чтобы я обменял свою коробочку спичек на его пару серег из спинных отростков акулы. Вечером я уношу с собой массу достойных удивления вещей.

Над бухтой, которая сделалась нашим общим пристанищем, высится кратер Рано-Кау*, самый широкий и правильной круглой формы изо всех в мире. Если смотреть на него с неба, он должен производить впечатление луны, рассматриваемой в телескоп. Это — огромный и великолепный колизей, в котором с удобством могла бы действовать целая армия. Последний король Рапа-Нуи, во время вторжения перуанцев, скрылся в нем со своим народом и сделал его местом страшной резни. Тропинки, ведущие туда, покрыты костями и даже целыми скелетами, по местам торчащими из травы.

Перед самым закатом солнца я вновь сажусь со своими пятью друзьями, лицом к морю, на том самом месте, где мы уже составили себе привычку ожидать прибытия лодки. Быть может, это — в последний раз; вдали я вижу шлюпку, возвращающуюся к фрегату, и среди толпы матросов, одетых в белое, — большую темную голову идола, отъезжающего в их сообществе**;

* На острове Рапа-Нуи названия всех вулканов начинаются словом «Рано», что буквально значит: «пруд». Такое название произошло от того, что все кратеры, с течением времени, превратились в болота, куда после дождя туземцы и ходят за водой. А чтобы допустить такое употребление слова «Рано», нужно думать, что маори, вступив в обладание островом, нашли все вулканы его уже потухшими и превратившимися в резервуары. Это, в свою очередь, опровергает предположение, что остров, вследствие землетрясения, уменьшался в объеме с тех пор, как на нем поселились маори.

** Голова этого идола находится теперь в Париже, в Ботаническом саду, у одного из входов в музей.

гополучно, и мы завтра получаем возможность уехать; для меня это, впрочем, не отрадно, так как я бы желал побыть здесь подольше.

Кратер Рано-Кау

Вечером, в ту минуту, когда я ложился спать, меня позвали к командиру; я предчувствую новый приказ на завтрашний день. И на самом деле, он объявил мне, что отъезд отложен на двадцать четыре часа. Он проектирует завтра отправиться с несколькими офицерами в более отдаленную часть острова, где до сих пор еще стоят статуи, нам незнакомые. Путь, конечно, предстоит тяжелый и длинный; на карте, снятой с птичьего полета, которую мы вместе рассматриваем, расстояние это измерено в 6 лье, а с обходами, подъемами и спусками оно, конечно, составит 7 или 8 лье; да столько же нужно пройти обратно...

Он спрашивает меня: «не желаю ли я ему сопутствовать». —Я отвечаю, что с радостью готов сделать это, но ведь завтра я дежурю, так как сегодня весь день прогулял.

— «Это мое дело», говорит он, «я переговорю с адмиралом» и, смеясь, добавляет: «при условии»... Ах, эти наброски! Нужно будет срисовать статуи во всех положениях и для всех... Пусть заказывают, сколько угодно, только бы меня взяли!*

* Мы были здесь в 1872 г., когда не были еще изобретены двойные лорнеты и когда никто на судне не знал фотографии.

VIII

6-е января

Мы оставляем фрегат еще до четырех часов утра, в темную ночь и под темным небом. До наступления дня мы уже доехали до берега, стараясь высадиться и уединенном месте, чтобы не привлечь к себе внимания дикарей, желающих нас сопровождать. Нас четверо штабных: командир, два офицера и я; старый датчанин и одно из доверенных лиц маори служат нам провожатыми; за нами три матроса несут на плечах наш и свой завтрак. Со стороны жилищ в траве блестят огоньки.

Сначала мы проходим мимо «мараи», вчера опустошенных; вид их зловещий. Подымаясь, друг за другом, по мокрой траве, мы направляемся в глубь острова; нам нужно пройти его с одного конца до другого; спустя полчаса, море и отдаленные огни фрегата исчезают из наших глаз за склонами холма; под впечатлением такого явления чувствуешь себя совершенно одиноким. Мы углубляемся в центральную часть острова, которая на карте командира обозначена словом: «Текаухангоару», написанным крупными буквами рукой «епископа» Таити. «Текаухангоару» — первое название, данное полинезийцами этому месту. Среди сумерек и ветра оно звучит еще более дико, чем «Рапа-Нуи». Этот участок был необитаем даже в то время, когда население было многочисленно. То же наблюдалось и на других островах, так как племя маори состоит из рыболовов и моряков и живет, преимущественно, на берегу моря; потому же центры Таити и Нука-Гива, несмотря на свою удивительную рас-

тительность и полные цветов леса, никогда не переставали быть безмолвными пустынями. А на Рапа-Нуи нет лесов, нет даже ни одного дерева; все — голые, мрачные долины, усеянные бесчисленными каменными пирамидами; так и кажется, что это — непрерывное кладбище.

Наступает день, а небо по-прежнему остается мрачным; начинает падать мелкий дождь; мы уже все подвигаемся вперед; наш горизонт со всех сторон замыкается конусообразными темной окраски кратерами. Мы идем почти по колено в мокрой траве; трава эта везде одинакова; она покрывает остров на всем его протяжении: это — жесткое, сероватого цвета растение с деревянистыми стебельками, усеянными едва заметными лиловыми цветочками; из них вылезают тысячи тех мелких насекомых, которых обыкновенно называют поденками. Что касается до пирамид, которые мы встречаем на каждом шагу, то они сложены из необделанных и наложенных один на другой камней; от времени они почернели; по-видимому, они стоят здесь уж много веков. Но вот открывается долина; растительность в ней несколько изменяется; тут видны папоротники, дикий сахарный тростник, тощий кустарник, мимозы и еще несколько низких кустиков, которые офицеры узнают, так как этот вид растительности распространен в Океании, хотя там он достигает большей высоты. Неужели люди их привезли сюда? или же они имеют тайное происхождение? Если так, то почему же они остались в этом уединенном месте в состоянии низкорослого кустарника, а не развились шире, как в других местах и не наводнили собою землю?

Около девяти с половиной часов мы пересекли остров в его наибольшей ширине; перед нами опять развернулась картина Тихого океана. Дождь перестал; не-

бо прояснилось; показалось солнце. Нужно признаться, что, по выходе из Текаухангоару, мы точно пробудились от кошмара дождя и мрака. Вдали, на берегу моря, виднеется что-то, похожее на европейский домик. Датчанин Робинзон тотчас же объяснил нам, что это — третий дом, построенный некогда миссионерами; в этом месте, которое называется «Ваиху», в те времена жило счастливое племя, населявшее берег моря; теперь от него не осталось и следа; «Ваиху» превратилось в пустыню, а домик — в развалины.

Мы уже заметили кратер Ранорараку, у подножия которого надеемся найти массу статуй, более причудливых, чем виденные нами, и стоящих еще, а не лежащих. Теперь мы только в двух лье от этого места, а оно будет и пределом нашего путешествия. Предварительно мы остановимся для завтрака в пустом домике; эта стоянка, во-первых, несколько облегчит плечи наших матросов, а, во-вторых, мы будем под защитой, хотя бы и остатков крыши.

В данную минуту в дверях домика показывается старая, поразительно безобразная дикарка и с робкой улыбкой направляется нам навстречу. Это единственное живое создание, которое мы встретили на своем далеком пути. Она устроила себе из этих ничтожных и пустынных развалин берлогу и, без сомнения, представляет из себя одну из дочерей исчезнувшего племени. Но чем она живет, чем питается? — Вероятно, кореньями, лишаями, да сушеной рыбой, которую сама и ловит.

Та часть острова, которую мы пересекаем по выходе из Ваиху, изборождена дорожками, настолько избитыми и утоптанными, как будто по ним ежедневно проходила многочисленная толпа. Однако, кругом все пустынно; как нас предупреждали, так оно и есть; наш проводник-туземец даже уверяет нас, что, кроме

Ile de Pâques.
Tauxier 71. - 1881.

этой старухи, на пять лье в окружности не встретится ни одного человеческого существа. О чем же думать при таком сообщении? На этом острове все способно возбуждать ваше воображение.

Место, к которому мы приближаемся, в отдаленном прошлом должно было представлять из себя центр поклонения, храм или некрополь, так как теперь все оно в сплошных развалинах и усеяно рядами циклопических камней, остатками толстейших стен, обломками гигантских строений. А трава, которая становится все выше и выше, скрывает в себе следы таинственных времен; трава с деревянистым стеблем, как у дрока, все та же трава, того же выцветшего зеленого цвета.

Теперь мы идем вдоль морского берега; огромные каменистые утесы спускаются к нему террасами; по этим уступам, напоминающим лестницы древних индусских пагод, пробирались люди; утесы были уставлены тяжеловесными идолами, теперь опрокинутыми и лежащими в массе обломков. Эти статуи, судя по древней полинезийской теогонии, изображали двух богов: духа песков и горного духа^{*}; и тот и другой охраняли остров от потопления его морем. Здесь же, среди этих обломков, миссионеры обнаружили большое количество маленьких деревянных дощечек, покрытых иероглифами: в настоящее время они хранятся у «епископа» Таити и, конечно, если бы их удалось прочесть, они сказали бы несколько слов о важной тайне Рапа-Нуи.

^{*} «Тии-Оне» и «Тии-Папа», «Дух песков» и «Горный дух»; эти названия и эти объяснения заимствованы от старых вождей острова Лаиваваи (архипелаг Тубуа, Полинезия), на котором, вдоль морского берега, стоят такие же статуи, как и на острове Рапа-Нуи, только меньших размеров и менее поврежденные.

IX

По мере нашего приближения к Ранорараку, боги все умножаются, и их размеры тоже возрастают; каждая глыба их занимает не меньше 10-ти и даже 11-ти метров; их нельзя найти только у подножия террас; в остальных местах повсюду виднеются их безобразные, темные массы, поросшие травой.

Головные уборы их, в виде чалмы, сделаны из особой лавы кровавого цвета; во время падения они разлетелись в разные стороны и своим видом теперь напоминают чудовищные жернова. Вблизи одного кургана — целая куча обожженных челюстей и черепов, что свидетельствует о человеческих жертвоприношениях, в продолжение долгого периода совершавшихся в этом месте. Далее идут вымощенные плитами дороги; они спускаются к океану и там исчезают...

Наконец, черепа и челюсти начинают попадаться повсюду; нельзя ступить, чтобы не задеть каких-нибудь человеческих останков, точно эта страна — обширный костник. Очевидно, было время, воспоминание о котором сохранилось у теперешних старцев, а именно, что когда жители Рапа-Нуи познали весь ужас своей многочисленности, опасность умереть с голоду и задохнуться на своем острове, с которого они уже не умели выбраться, то вступили между собой в большие истребительные битвы и период людоедства. Это было в те времена, когда существование Океании даже не подозревалось белыми людьми; в прошлом веке Ванкувер нашел еще на острове, где осталось жителей не более двух тысяч, следы обнесенных окопами полей битв, остатки укреплений, в виде заборов, по бортам каждого кратера. Большое количество точеных, сдвинутых,

перенесенных и сооруженных статуй свидетельствует об искусстве их делателей, пользовавшихся какими-то необъяснимыми средствами при выполнении своих каменных изделий. Впрочем, почти все народы пережили мегалитическую* фазу, — фазу обладания теми силами, которых мы не знаем.

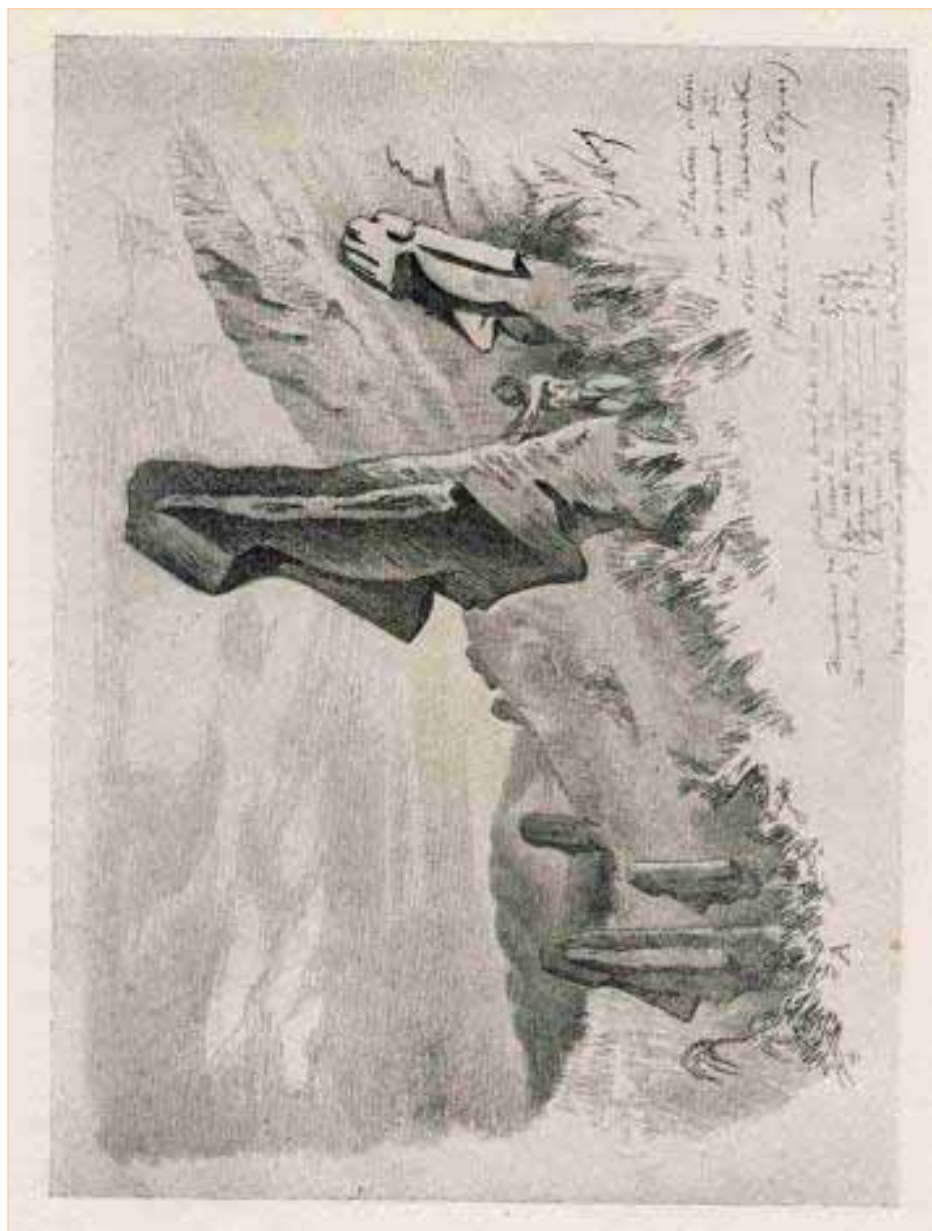
Местами остров кажется очень маленьким сравнительно с поясом монументов и идолов. Возможно, что это был священный остров, куда стекались издалека на религиозные торжества; конечно, это могло быть во времена очень давнего блеска Полинезии, когда короли архипелага обладали военными пирогами, настолько крепкими, что в состоянии были спорить с бурями, и когда они собирались со всех концов Великого океана в пещеры, чтобы там составлять совет на секретном языке... Или, может быть, эта страна — остаток какого-нибудь континента, некогда затопленного, как были затоплены атланты? На это, между прочим, указывают ведущие прямо в воду дороги, хотя в легендах маори ни полслова не упоминается об этом; затем, Атлантида после своего потопления образовала под водой гигантские плато, а здесь, вокруг острова Рапа-Нуи, сейчас же начинается неизмеримая глубина...

* Казалось, у маори каменный век продолжается до настоящего времени, так как вулканическое вещество, из которого сделаны некоторые статуи, выглядит непрочным, а идолы, стоящие по берегу моря, не могут насчитывать более трех-четырех веков. Наука предполагает, что эти статуи сделаны из трахита, вещества прочного и упорного, и такое предположение может быть действительным относительно большей части статуй Ранорараку, но не тех, которые покрывают берег; я заметил, во время распиливания их деревянными пилами, что вещество их ноздреватое и легкое.

В конце пути, однако, нам дает чувствовать себя усталость и нечто вроде тоски от этой бесконечной ходьбы по высокой траве, по этим узким тропинкам дикарей, среди этого опустошения, тайны и безмолвия. При том, встречаемые нами на каждом шагу лежащие статуи совершенно схожи во всем с уже известными нам, только немного побольше, но той же формы и с такими же лицами. Мы объяснили нашему вожаку, что шли посмотреть другие статуи и требуем от него этих других, отличных от известных уже нам.

— Сейчас, там, на склоне Ранорараку, — отвечает он нам; — их там находят.

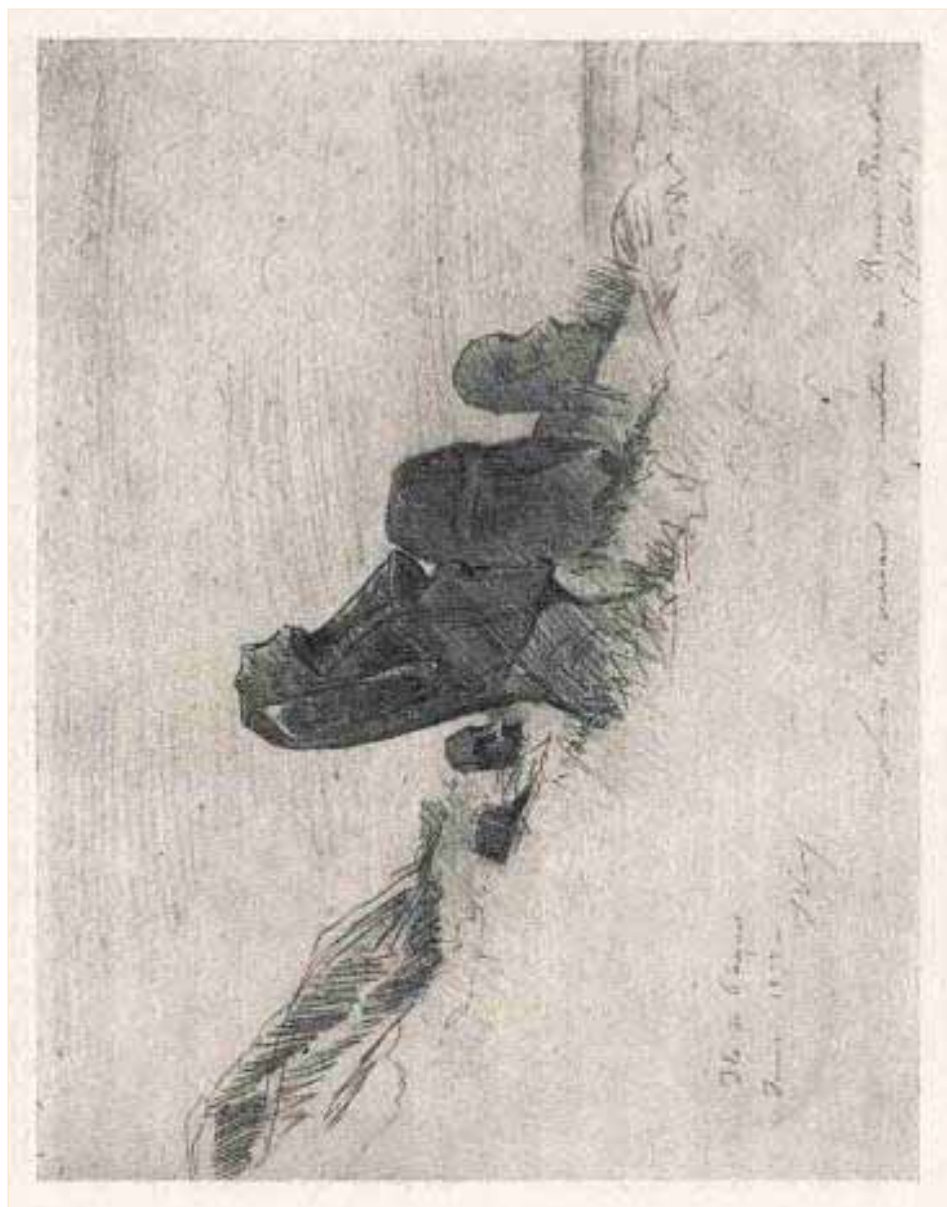
Наконец, тропинки поворачивают от берега и направляются по центру суши, направо, к вулкану. И только спустя полтора часа после нашей стоянки в Ваиху, мы стали, наконец, различать на склоне горы большие стоящие фигуры, бросавшие по траве уродливые тени. Они стоят в беспорядке и смотрят в нашу сторону, как будто для того, чтобы видеть, кто идет, хотя мы подметили уже несколько длинных профилей с острыми носами, обращенных в другую сторону. Наконец-то мы достигаем цели своего путешествия; наши ожидания нас не обманули и, приближаясь к статуям, мы невольно начинаем говорить тише. И на самом деле они нисколько не похожи на тех, легионы которых мы встречали на своем пути. Хотя происхождение их относится к более отдаленному времени, однако они — дело рук менее наивного производителя; им сумели уже придать некоторое выражение; они могут внушать зрителю страх. Кроме того, у них нет туловища; это — одни только колоссальные головы; они вышли из земли и вытянули свои длинные шеи, точно для того, чтобы вечно смотреть на неподвижную и пустынную даль. С носами, немного приподнятыми, тонкими губами, сжатыми и искривленными в през-

Статуи Рано-Рараку

рительную или насмешливую улыбку, тип какой расы они представляют? Глаз нет; вместо них во лбу глубокие впадины под широкими и благородными бровями, — так и кажется, что эти глаза смотрят и думают; с той и другой стороны свешиваются выпуклости, напоминающие собой чепец сфинкса или отогнутые плоские уши. Величина статуй колеблется от 5-ти до 8-ми метров. На некоторых из них видны ожерелья, образованные из кремневой инкрустации или просто татуировки. Эти последние, вероятно, сделаны уже не маори. По преданию, сохранявшемуся в памяти стариков, они находились здесь еще до прибытия сюда их предков; когда, тысячу лет тому назад, полинезийские переселенцы подплыли в своих пирогах к острову, то нашли его давно пустующим и охраняемым только этими страшными головами. Какая раса, не оставившая других памятников в истории человечества, жила здесь некогда, и каким образом произошло ее исчезновение?.. И откроет ли кто-нибудь и когда-нибудь лета этих богов?..

Сплошь обросшие лишаями, они, по-видимому, существовали уже несколько веков; из них многие упали и разбились, другие, вследствие подъема почвы, ушли в нее по самые ноздри и, кажется, как будто задыхаются. В эту минуту полуденное солнце ярко освещает их, усиливает тень в орбитах под рельефным лбом и еще более увеличивает их жесткое выражение; наклонная же поверхность земли удлинняет их тени на кладбищенской траве. По небу несутся последние тучи и по временам открывают его яркую и дивную синеву. Ветер успокоился, и все вокруг старых идолов погружается в спокойствие и безмолвие; утих пассат и не нарушает надгробной тишины этого места, не колеблет однообразного савана его растительности, на котором нет ничего живого, ни зверя, ни птицы, ни

Другие большие статуи на том же склоне

змеи, — ничего, кроме белых и желтых бабочек, да потихоньку жужжащих мух... Мы остановились на половине горы, среди загадочных улыбок огромных каменных лиц; над нашими головами высятся закраины потухшего вулкана; под ногами стелется пустынная долина, покрытая статуями и развалинами, а на горизонте — безграничное море, никогда не нарушаемое бегом кораблей. Пока мои спутники отдыхают в траве, мне нужно скорее набросать в своем альбоме эти угрюмые фигуры, эти группы, освещенные солнцем. Я лихорадочно тороплюсь уловить все виды, несмотря на усталость и крайнюю сонливость, против которой борюсь, как могу, — тороплюсь запечатлеть те своеобразные и странные впечатления, которые произвела на меня эта местность. Едва я успел кончить, как начались сборы в обратный путь, потому что командир и все мы беспокоились за предстоявшую нам дорогу: она была и продолжительна, и проходила через центральные пустыни; нам нужно было совершить ее до ночи; мы расставались с уверенностью никогда в жизни не возвращаться к богам, никогда не заглядывать в центр их господства. Около двух часов, при блеске солнца, светившего прямо в глаза, мы пустились в обратный путь, направившись один за другим по узеньким тропинкам, существование которых необъяснимо, — все по той же высокой, по колени или по пояс, траве. Несмотря на дождь, прошедший утром, не только трава, но даже и земля сухи. Каким образом может так скоро высыхать трава и покрываться пылью земля, когда кругом безграничное море? И когда поразмыслишь, странным покажется стойкость этого острова и его покойный вид среди Великого океана! — странным покажется, что последний, омывая его плоские, песчаные, покрытые кораллами берега, никогда не переходит условленной черты!.. Ведь доста-

точно было бы легкого подъема этой ужасающей, жидкой массы, чтобы потопить ничтожный островок, в продолжение стольких лет греющий на солнце свое население из идолов... Мне начинает казаться, чему помогает и утомление, что души древних людей, по мере моего созерцания окружающего горизонта моря, проникают в мою душу; я начинаю понимать и разделять их томление и ужас пред необъятностью окружающих вод, и мне вдруг становится понятной их мысль воздвигнуть на берегу эти гигантские фигуры духа Песков и Горного духа, чтобы посредством их пристального взора держать в почтительном отдалении весь ужас и все живое могущество окрестной синевы...

В сумерки мы очутились в населенной местности, против своего фрегата. Рулевые увидали нас в зрительные трубы, и от фрегата отчалила за нами шлюпка. В последний раз я и пятеро моих друзей-дикарей присели на берегу и ожидали вместе шлюпки, на которой я должен был уехать отсюда навсегда. Их очень поразил мой отъезд, и теперь под сводом покрытого тучами неба они рассказывали мне много интересно. Что касается до меня, то сердце мое, при прощании с ними, сжималось от боли, так как мы прощаемся навсегда, и между нами ложится вечность; снятие с якоря назначено на завтра, в 6 часов утра, и, наверно, я уже больше не вернусь сюда никогда.

Сегодня вечером на фрегате я получил от командира неведомую для меня одну из иероглифических таблиц Рапа-Нуи, одно из «говорящих деревьев», как называют их маори; она имеет четырехугольную форму с закругленными углами; отполирована каким-то первобытным способом, несомненно, — трением кремня; дерево, вывезенное неизвестно откуда, — крайне ветхо и сухо. О! заинтриговывающая и таинственная маленькая дощечка, — секрет твой навсегда останется неизвестным! Ровными рядами стоят нацарапанные знаки; подобно египетским иероглифам, они изображают людей, животных, всевозможные предметы; видны — сидящие и стоящие фигуры, рыбы, черепахи и копья. Эти знаки увековечили священный язык, непонятный для других людей, — язык, на котором объяснялись важные предводители (вожди, начальники, короли) во время своих совещаний и собраний в кратерах. Эти знаки имеют тайный смысл, обозначают предметы важные и секретные, доступные пониманию только посвященных в тайну помышлений королей или священников*.

* Аксиери, епископ-миссионер, долго живший в Полинезии, обладал большим количеством «говорящего дерева»; от некоторых старых начальников острова Рапа-Нуи, теперь усопших, он получил буквальное объяснение каждого знака их письма.

Это письмо, начертанное «воловьей бороздой» (так выражается епископ-миссионер), читалось с низу надписи и, при том, с переходом от строчки к строчке, дощечку нужно было перевертывать, так как каждая строчка была написана головой вниз относительно своих соседей.

К несчастью, тайный смысл слов, главная сущность их не могли быть отысканы, и язык «говорящего дерева» до сих пор остается темным.

Меня зовут!.. Это адмирал, — и опять в необычайный час, как вчера, как третьего дня вечером, когда он призывал меня к себе; я предчувствую, что мне, быть может, придется еще раз побывать на мрачном острове. Действительно, адмирал выражает желание приобрести каменного идола надлежащего роста и физиономии; а так как ему известно, что я много раз посещал хижины, то он и просит меня исполнить его желание и в то же время просит исполнить это быстро, чтобы не опоздать к отплытию фрегата, которое, по-прежнему же, назначено в 6 часов. Я, действительно, знаю подходящего к его требованиям идола, так как видел такого у самого начальника, и обещаю добыть его стоимостью сюртука и доставить к отплытию корабля; счастливый тем, что еще раз могу побывать на Рапа-Нуи, перед отходом ко сну я готовлю для своей последней беседы с дикарями-друзьями несколько фраз на полинезийском языке.

XI

7-е января

В четыре часа утра я уже еду на адмиральском вельботе. Погода тихая, но туманно и темно! Со времени нашего приезда это явление повторяется в конце каждой ночи; каждую ночь густой туман непременно задерживает наступление дня на острове и на море.

Опять я при ранней, утренней полутьме, среди бурунов и рифов, направляюсь к бухте, в которой уже больше не рассчитывал быть. Ночные очертания берегов сегодня так же причудливо-фантастичны, как и в утро первого моего приезда сюда. Тяжелый мрак царит вдали, над старыми мертвыми вулканами, тогда как берега уже заметно светлеют. Там и сям, среди скал и лачуг, в траве блестят огоньки, трепещет желтое пламя, а перед ним мелькают тени дикарков, пригоговляющих кушанье из корней или ямса; по мере приближения к ним, вас охватывает запах дыма, зверя, берлоги. Эти голые члены, эти первобытные позы, освещаемые огнем, заставляют ваш ум погрузиться в воспоминания о былых временах и сказать, что так же должно было быть и тогда, когда занималась заря истории и пробуждалась мелкая жизнедеятельность человека в каменный век...

Женщины, вероятно, встают здесь раньше мужчин, так как я сначала встретил только Марию и Иуаритаи. Ни меня, ни кого другого из нас они не надеялись больше увидеть. Узнав меня, они громко вскрикнули от радости и побежали к начальнику предупредить его о моем намерении зайти к нему по очень спешному делу. Он вышел мне навстречу. Торг состоялся. В

обмен за идола, которого матросы понесли на руках, он получил прекрасный адмиральский сюртук, который тут же и одел.

Времени терять нельзя. Нужно идти к берегу. В одну минуту все мои друзья на ногах, чтобы еще раз повидаться со мной; Хуга, случайно проснувшись, явился ко мне, одетый в древесную кору; затем, заслышав позади себя шаги, вижу бегущих Атаму и Петеро. Теперь это уже и на самом деле последнее прощанье; через несколько часов остров Рапа-Нуи совершенно исчезнет из моих глаз и навсегда. Между нами образовалась тесная дружба, можете быть, в силу того глубокого различия, которое лежит между нами, а может быть, в силу того ребячества, которое нас соединяет.

День почти наступил, когда я отплыл с идолом в вельботе. Мои друзья остались на берегу и следят за мной, пока я не исчезну из вида. Старый вождь, проводив меня, отделился от них и медленным шагом направился в свою хижину. Мне кажется жалкой и смешной его фигура в адмиральской куртке, из-под которой торчат длинные татуированные ноги; мне начинает казаться, что я, войдя с ним в торговую сделку, не выразил ему должного уважения, а, напротив, нанес оскорбление, — да, одно только дикое оскорбление.

А зачем мне было оскорблять этих наивных, доверчивых дикарей, так ласково относившихся ко всем нам? Их жалкая жизнь и без того не сладка!.. Вот что я невольно думал, в то время как наш фрегат удалялся от берегов о-ва Рапа-Нуи.

Книга публикуется по изданию П. П. Сойкина
(СПб., 1900) в новой орфографии, с исправлением
некоторых устаревших особенностей правописания и
пунктуации.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.